

Русская литература

№ 2

Историко-литературный журнал

1998

Издаётся с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
К XII Международному конгрессу славистов 200-летие со дня рождения Мицкевича	
А. В. Архипова. «Дяды» А. Мицкевича и русская литература	3
С. Л. Каганович. Пушкин и Мицкевич (национальные особенности ориентального стиля)	28
Е. О. Ларионова. «Когда народы, распри позабыв...» (А. И. Тургенев на парижских лекциях Мицкевича 1840—1842 годов)	35
С. И. Николаев. К истории издания сборника «Из Мицкевича» 1883 года (Письмо Н. П. Семенова к А. А. Фету)	46
—	
Е. Имендёрфер (ФРГ). Первые детские басни в России XVIII века	51
В. Гольштейн (США). Жертва и долг в «Дяде Ване»	65
Е. К. Соколинский. О гротеске у Л. Н. Андреева (на материале произведений малых форм)	75
С. Л. Санкина. Легенда о небесном госте: В. В. Хлебников	84
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
Т. Н. Архангельская. Русские издания «Размышлений» Марка Аврелия в яснополян- ском доме Л. Н. Толстого	102
Эрхард Хексельшнайдер (ФРГ). Последние годы жизни П. А. Габбе в Зонненштейне	107
П. Тирген (ФРГ). О рецепции Гончарова в немецкоязычных странах	113
М. В. Безродный (ФРГ). Издательство «Мусагет»: групповой портрет на фоне модер- низма	119
Бобан Чурич (Югославия). Библейские мотивы в рассказе Льва Лунца «В пустыне»	131

Янина Салайчик (<i>Польша</i>). Киносценарий Льва Лунца «Восстание вещей» и тема мировой катастрофы в литературе XX века	137
Игорь Инов . Аркадий Аверченко в Чехии (по материалам пражских архивов и чешской периодики 20-х годов)	142
П. В. Куприяновский . К истории отношений Горького и Бальмонта	157
С. А. Алексеев и его «Повесть» (вступительная статья Д. С. Лихачева)	165
С. А. Алексеев . Повесть	166

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. А. Алексеев . Богословская литература Киевской Руси	192
С. И. Николаев . Первое издание «Вертограда многоцветного» Симеона Полоцкого	197
Л. Г. Фризман . Жизнь и творчество Крылова	199
О. А. Балдина, А. С. Янушкевич . Дитрих Герхардт как исследователь творчества В. А. Жуковского	201
Е. А. Краснощекова (<i>США</i>). Вальтер Скотт и русский исторический роман	206
Т. А. Китанина . Опыт систематизации литературных сюжетов	208
Гейр Хьетсо (<i>Норвегия</i>). Долгожданное издание писем М. Горького	210

РЕПЛИКА

Д. С. Лихачев . Проповедь или поступок? (Ответ на юбилейное приветствие Д. М. Буланина)	212
--	-----

ХРОНИКА

Н. М. Бассель (<i>Эстония</i>). Международные Достоевские чтения в Таллинне	214
О. Л. Новикова . Заседание, посвященное памяти Варвары Павловны Адриановой-Перетц	216
Д. С. Лихачев . Слово о Варваре Павловне Адриановой-Перетц (выступление на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, посвященном памяти Варвары Павловны Адриановой-Перетц 17 декабря 1997 года)	219
В. Ю. Вьюгин . Роман Л. Леонова «Пирамида». III научный семинар	222
В. Ю. Вьюгин . Наследие Андрея Платонова (1941—1951 года)	228
М. Д. Эльзон . Памяти А. Д. Алексеева	235

Редакционная коллегия:

Н. Н. СКАТОВ (и. о. главного редактора), **Г. Я. ГАЛАГАН** (зам. главного редактора),
А. А. ГОРЕЛОВ, **Г. А. ГОРЫШИН**, **В. Я. ГРЕЧНЕВ**, **Н. А. ГРОЗНОВА**, **Б. Ф. ЕГОРОВ**,
А. И. ПАВЛОВСКИЙ, **А. М. ПАНЧЕНКО**, **В. А. ТУНИМАНОВ**, **С. А. ФОМИЧЕВ**

Отв. секретарь редакции **М. Д. Кондратьев**

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4. Тел. 218-16-01

ные. Н. Ф. Дробленкова напомнила, что В. П. Адрианова-Перетц всегда была верна памяти своего учителя и супруга, добились не только полной реабилитации его имени, но и издала оставшиеся неопубликованными две части «Описания собраний рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенных им в дар Саратовскому университету» («Археографический ежегодник» за 1959 и 1960 годы) и «Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв.» (М.; Л., 1962). Н. Ф. Дробленкова отметила, что Варвара Павловна была общительна, любила людей и многое готова была простить им, но не прощала предательства и подлости. Решительно осуждала она и всяческое использование науки в корыстных целях, в погоне за сенсацией. Н. Ф. Дробленкова рассказала, что по приезду А. Мазона из Франции Варвара Павловна задала ему вопрос: почему он так круто изменил свое прежнее представление о текстологической зависимости «Задонщины» от «Слова о полку Игореве» на прямо противоположное, и, услышав в ответ «надо же было на что-то жить», отказалась от дальнейших встреч с ним. Варвара Павловна не верила в искренность поздних историков-скептиков, которые, пренебрегая историческим принципом при изучении лексики «Слова о полку Игореве», признавали его памятником XVIII века. Опровержением тому стала ее последняя книга «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI—XIII вв.» (1968), ответственным редактором которой был О. В. Творогов.

Продолжая разговор об отношении В. П. Адриановой-Перетц к дискуссии о «Слове о полку Игореве», О. В. Творогов сказал, что Варвара Павловна с необычайной болью вос-

приняла выступление А. А. Зимина и последовавшие за этим события, но с достоинством ответила скептикам. О. В. Творогов отметил, что можно было сделать обобщающую работу с разбором аргументации А. Мазона и А. А. Зимина, но В. П. Адрианова-Перетц пошла самым трудным путем, написав блестящую книгу «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI—XIII вв.» (Л., 1968), которая не была книгой к дискуссии, а имела самостоятельное значение, поскольку в ней было показано, насколько «Слово» органично вливается в литературу своего времени. О. В. Творогов подчеркнул, что книга была сделана на огромном материале, что писать ее было невероятно тяжело уже больному человеку. Путь, которым пошла в этой работе В. П. Адрианова-Перетц, по мнению О. В. Творогова, был самым сложным, но оказался единственно верным. Своим примером Варвара Павловна учила, как нужно относиться к своему делу, что такое беззаветная преданность науке. Интерес к работе она сохраняла до последних дней. Она часто рассказывала о своих научных замыслах и говорила об этом с огромным увлечением. Это была настоящий пример подвижнического отношения к науке.

Заседание завершилось просмотром любительских кинофильмов о В. П. Адриановой-Перетц из домашних архивов Л. А. Дмитриева, Н. Ф. Дробленковой, М. А. Салминой. На выставке, подготовленной О. А. Белобровой совместно с сотрудницей Музея ИрЛИ О. И. Рудаевой, были представлены книги, отгиски статей и фотографии В. П. Адриановой-Перетц.

© О. Л. Новикова

© Д. С. Лихачев

СЛОВО О ВАРВАРЕ ПАВЛОВНЕ АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ

(ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИРЛИ, ПОСВЯЩЕННОМ ПАМЯТИ ВАРВАРЫ ПАВЛОВНЫ АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ, 17 ДЕКАБРЯ 1997 ГОДА)

Я буду говорить о Варваре Павловне и коснусь вопроса о преемственности в науке. В последнее время вопрос о преемственности в науке стоит очень остро в связи с отъездами ученых, а также в связи с тем, что многие ушли из научной работы на работу по добыванию денег для своей семьи. Рассыпаются научные школы и нарушается преемственность в науке.

Сами понятия, связанные с преемственностью в науке, очень неопределенны. Что такое учитель, что такое глава школы, что такое ученик, что такое преемник или продолжатель того или иного учения, определенной школы и т. д.? Все это не определено и все это

по-разному понимается. Скажу, что сам я не могу определить, чей я был ученик. В школе я был ученик И. М. Андреевского, он действительно преподавал литературу, философию, психологию, ведал кружками — литературными, философскими, религиозными. Из своей личной библиотеки он давал мне книги, как и всем другим своим ученикам. Можно было прийти к нему на дом в его отсутствие, взять нужную книгу с полки, но только оставить записку. Поэтому даже когда я поступил в университет, я продолжал ходить на его квартиру, на занятия кружков, и формально я был его учеником, поскольку я был в классе, в котором руководителем был И. М. Андреевский. Но по

существо он мне не нравился, он мне не был близок душевно.

Душевно мне был близок Л. В. Георг, и внутренне я бы считал его своим учителем. О нем я писал несколько раз. Этот замечательный человек был другом Б. М. Эйхенбаума. Л. В. Георг был из Таллина, как и Еремин. Там, в Таллине, была довольно хорошая, сплоченная между собой русская интеллигенция, очень много сделавшая для Эстонии. Но формально я не имел права себя считать учеником Л. В. Георга просто потому, что он не вел у нас систематически занятий — по литературе или по философии и т. д. Поэту для меня лично понятие «учитель и ученик» остается очень неясным. Могу ли я, скажем, будучи учеником его по средней школе, по высшей школе называть себя учеником Дмитрия Ивановича Абрамовича? В какой-то степени да, потому что это был очень заботливый преподаватель, и я вдвоем с еще одним студентом-старообрядцем были его одинокими слушателями и единственной заботой.

Когда я поступил в университет, я хотел заниматься в семинарии у В. Н. Перетца, но ни у кого не мог узнать, где же этот семинарий собирается. Рассматривал доски с расписанием занятий — никаких следов не было. Оказывается, семинар этот собирался на квартире у Владимира Николаевича Перетца, и попасть туда можно было только по рекомендации. Просто так прийти студенту к В. Н. Перетцу и сказать, что «я поступил в университет и хочу у вас заниматься», было невозможно. Так просто Владимир Николаевич не принял бы. Там нужна была серьезная рекомендация, сдача предварительных экзаменов и т. д.

И вообще, вот этот вопрос о школе В. Н. Перетца — он очень сложный. Потому что наряду с тем, что школа Перетца, которая образовалась в Киеве, была очень авторитетной и в Киеве, и в Петербурге (Петрограде тогда), тем не менее эта школа имела и такую вот замкнутость, в результате которой многие туда не могли попасть. Из школы Перетца вышли С. И. Маслов, Н. К. Гудзий, С. Д. Балухатый, А. П. Баранников, ставший востоковедом, И. П. Еремин и сама Варвара Павловна Адрианова-Перетц. Но в науку Владимир Николаевич, в отличие от Варвары Павловны, — это я скажу потом — не пускал людей чужих, не своих, не из своего семинара. И поэтому Василия Леонидовича Комаровича, этого лучшего специалиста по Достоевскому, он не пропустил ни в университет, ни в свою школу, ни в науку: он провалил его на магистерских экзаменах. К магистерским экзаменам готовились год. Это был очень серьезный экзамен, и в сущности заранее было известно, кто выдержит этот экзамен, кто — нет. Василий Леонидович Комарович как человек, который был уже известен как специалист по Достоевскому — у него уже к этому времени вышла книга о романе «Подрасток» в издательстве Pierper-Verlag на немецком языке, — Василий Леонидович не мог себе представить, что его провалят на магис-

терских экзаменах. А Владимир Николаевич стал спрашивать у Василия Леонидовича о трудах Варвары Павловны. Оказалось, что Василий Леонидович не знает какой-то из статей Варвары Павловны. Владимир Николаевич сказал тогда громко: «У Варвары Павловны голова не для того, чтобы носить шляпку. Она хороший ученый, и знать ее работы необходимо». — И прекратил спрашивать. Таким образом, этот провал был связан еще и со скандалом, который препятствовал Василию Леонидовичу в дальнейшем продвижении в университете. Его не пускали в университет, поскольку у него не было ученой степени.

Поэтому школа Перетца, с одной стороны, давшая великолепных ученых, которых я перечислил, была очень важна, а с другой стороны, замкнутость этой школы мешала ее влиянию.

Когда Владимир Николаевич переехал в Петроград, и в Пушкинском Доме — в Институте русской литературы — образовалась ячейка по изучению древнерусской литературы, называвшаяся Отделом, в котором было четверо исследователей. Это А. С. Орлов, который был во главе Отдела формально (но руководила им Адрианова-Перетц); Варвара Павловна, Еремин Игорь Петрович, который к этому времени был уже доктор, просто потому, что вначале это присуждалось по совокупности работ: когда степени были только введены, по совокупности работ она была дана Еремину. И затем началось следующее, очень интересное.

Эта замкнутость школы Перетца сорвала его с другими академиком, в частности с академиком Н. К. Никольским. Там была целая история, в результате которой Картоотека Никольского переехала в Детское Село, но это все описано у Веры Федоровны Покровской. И Вера Федоровна оказалась в школе Н. К. Никольского, как Н. Н. Зарубин и как многие другие. Поэтому они не допускались в отдел Владимира Николаевича. А Н. К. Никольский тоже занял агрессивную позицию. Эта война школ была очень вредна для науки.

Варвара Павловна, верная ученица Владимира Николаевича, практически эту замкнутость школы Перетца разрушила. И это очень важно: она не стала спорить, но постепенно сумела разрушить. Сперва Вера Федоровна Покровская из враждебной школы была принята в Отдел, затем был принят формально В. Л. Комарович, которого не утвердил Отдел кадров просто потому, что он ходил в церковь и был верующим, открыто верующим человеком. Отдел кадров его не утвердил — он продолжал ходить.

Варвара Павловна создала в Пушкинском Доме все условия для того, чтобы все могли ходить на заседания Отдела древнерусской литературы. Варвара Павловна принимала очень охотно и приглашала всех людей и других специальностей. Когда началось грандиозное для того времени предприятие — создание 10-томной Истории русской литературы с библиографией, на долю Отдела древнерусской литерату-

ры, главным образом Варвары Павловны, выпала необходимость создать первые два тома. Эти первые два тома вылились под редакцией Варвары Павловны в три тома. Создать историю древнерусской литературы было необычайно трудно. Древнерусская литература в те времена обычно преподавалась либо по жанровому признаку, либо по географическому — новгородская литература, московская литература, киевская литература и т. д.

Варвара Павловна понимала, что в десяти-томной Истории русской литературы древнерусская литература должна быть подана так же, как новая литература: как XVIII век, как XIX век — по историческому принципу. Сделано это было Варварой Павловной с помощью приглашения людей других, близких специальностей, и особенно с помощью приглашения специалистов по летописанию. Ведь летописание до Варвары Павловны, до этой 10-томной Истории русской литературы, считалось нелитературным явлением. Им занимались только историки.

Кстати сказать, у А. А. Шахматова не было учеников. Это был гениальный, замечательный ученый, но учеников у него не было. По чисто формальным причинам. Дело в том, что А. А. Шахматов каждый год объявлял свой курс в университете; на него записывалось очень много людей, потому что всех прельщала его слава ученого. Но в своих лекциях А. А. Шахматов не считался с восприятием аудитории. Он читал свои работы. Он рассказывал о своих сложнейших исследованиях. И понять его было очень трудно. Надо было быть на уровне Шахматова, чтобы понимать Шахматова. Поэтому на второе занятие, на вторую лекцию уже приходила половина тех, кто пришел на первую лекцию, а потом лекции прекращались, потому что не оказывалось у него студентов. И так из года в год. Так же точно, между прочим, не было студентов и у Л. П. Карсавина, точнее, учеников. Л. П. Карсавин собирал огромные аудитории, но аудитория — это еще не ученики и не школа. Формально у Л. П. Карсавина учеников не оказывалось: настолько высоки были требования, что никто не решался брать у него научные темы, консультироваться с ним и т. д. И у А. А. Шахматова, и у Л. П. Карсавина не было учеников. Тем не менее и А. А. Шахматов, и Л. П. Карсавин сделали очень много для преемственности в науке — для преемственности в литературоведении, в филологической науке и в философии.

Варвара Павловна вышла из затруднения, как создать впервые *историю* литературы, пригласив участвовать в ее создании не только литературоведов. Был приглашен Дмитрий Власьевич Айналов. Он должен был писать историю искусства киевского периода, но, к несчастью, умер, так что не успел этого выполнить. Тогда Варвара Павловна пригласила Николая Николаевича Воронина. Воронин блестяще справился с задачей. Затем М. Д. Присьелков был приглашен для написания истори-

ческих введений к каждому периоду. И летописание, собственно, было положено в основу истории русской литературы. Летописание помогло датировать памятники нелетописного характера благодаря тому, что своды в какой-то мере датируются.

Затем участвовать в истории литературы стал Василий Леонидович Комарович, несмотря на оскорбление, которое было ему нанесено Владимиром Николаевичем Перетцем. Была приглашена как секретарь Вера Федоровна Покровская, ученица Н. К. Никольского. Это все сделала Варвара Павловна, незаметно освобождая школу В. Н. Перетца от ее враждебной замкнутости ко всем, кто не являлся, не мог себя назвать учеником Владимира Николаевича. Она организовала Труды Отдела древнерусской литературы. Маленький Отдел древнерусской литературы оказался очень солидным в нашем Институте именно благодаря Варваре Павловне.

Александр Сергеевич Орлов в общем делах Отдела не занимался, занималась всем Варвара Павловна. И Варвара Павловна, несмотря на весь свой пиетет по отношению к В. Н. Перетцу, ввела свои правила в отношения со специалистами.

Характерна следующая история с Владимиром Николаевичем Перетцем. Как известно, он создал «Методологию» изучения истории русской литературы — эту большую книгу, которая легла в основание собственно его школы как методологическое обоснование исследований. Но уже заранее, я сейчас не помню, кажется, Лавров стал говорить, что он выступит против этой «Методологии», что он коренным образом не согласен с ней и т. д. Поэтому напряженность в науке создавалась еще и вокруг этой «Методологии». Владимир Николаевич пытался выйти из положения следующим образом: чтобы обезопасить себя и свою «Методологию» от критики, он издал «Методологию» под грифом «корректирующее издание» (а на корректируемые издания рецензии писать не полагалось). Лавров вышел из положения: он издал критику на работу Владимира Николаевича тоже в качестве корректирующего издания. Но когда стали смотреть, в чем же он не согласен с Владимиром Николаевичем, оказалось, что гора родила мышь: ничего особенного он там не сказал, и Владимиру Николаевичу не следовало опасаться. Так напряженность в науке создавалась замкнутостью, боязнью критики и боязнью «чужих» людей в науке.

Прямое отношение к Истории литературы, которая из двух томов по древней части стала трехтомной и замечательным явлением, переломным в изучении древнерусской литературы, — прямое отношение к этому имел Василий Алексеевич Десницкий. Он стал выпускать учебник древнерусской литературы, но на основе в общем трех томов древнерусской литературы в 10-томной Истории литературы. Этот учебник как-то не привился, потому что он вышел накануне войны и прошел незамеченным, но он очень хорошо усвоил многие уроки,

которые давала 10-томная История русской литературы. Там мне пришлось писать те главы, которые писали для Истории русской литературы Н. Н. Воронин, М. Д. Приселков и некоторые другие.

Варвара Павловна разбила замкнутость школы В. Н. Перетца, создала свою школу уже на основе доброжелательного отношения ко всем специалистам и на попытках мирным путем улаживать научные споры — без провалов на экзаменах, без подобного рода скандалов. Это было замечательным нравственным достижением Варвары Павловны. Когда Владимир Николаевич Перетц был арестован, ей пришлось одной вести все дела, связанные с изучением древнерусской литературы, но пафос открывания новых перспектив и новых материалов у нее остался. Она не только ввела летописание в историю русской литературы — она показала демократическую сатиру как явление очень сложное и очень важное.

Варвара Павловна утвердила и личный авторитет, свой личный авторитет в науке. Через личный авторитет добилась и авторитета древнерусской литературы. Я помню, что когда я

работал в Издательстве Академии наук и когда должна была прийти Варвара Павловна, то в корректорской было волнение гораздо большее, чем когда приходил даже академик И. П. Павлов в Издательство по каким-то своим делам. Все были напряжены и все с каким-то восторгом и пиететом относились в Варваре Павловне.

Первое мое знакомство с Варварой Павловной было на фоне обожания, которое существовало в Издательстве Академии наук, потому что с ней действительно приятно было разговаривать, она нисколько не претендовала на главенство даже в своей книге. Конфликты, которые часто бывают с авторами, она решала мирным путем и готова была признать правоту корректора. А корректоры были очень сильные, с хорошим образованием, потому что там спасались люди, которых не принимали в других учреждениях, — окончившие Училище правоведения, Александровский лицей. Три барона у нас было среди корректоров. Это все были люди высокообразованные, которые знали и понимали, что такое ученость и что такое Варвара Павловна.

Спасибо за внимание.

РОМАН Л. ЛЕОНОВА «ПИРАМИДА». III НАУЧНЫЙ СЕМИНАР

17 и 18 декабря 1997 года в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН проходило очередное заседание семинара, посвященного роману Леонида Леонова «Пирамида». Одной из особенностей этого семинара является то, что в его работе постоянно принимают участие исследователи, которым довелось лично общаться с писателем. В этот раз на нем также присутствовала и дочь писателя Наталья Леонидовна Леонова.

Открыл работу семинара директор ИРЛИ, чл.-корр. РАН Н. Н. Скатов. В своем кратком выступлении Н. Н. Скатов отметил, что проведение научных семинаров по изучению творчества того или иного художника часто оказывается более результативным, чем организация юбилейных конференций. Ценность их состоит в особой атмосфере свободного общения, которой часто лишены крупные мероприятия. Н. Н. Скатов сказал, что в последнее время российские ученые проявляют все больший интерес к новейшей литературе, ищут академические подходы к ее изучению. Роман Л. Леонова «Пирамида» стал одним из центров притяжения исследовательских сил. И этот факт не случаен. Философская сложность произведения Л. Леонова, его многоплановость, необычность эстетических решений привлекают литературоведов. От результатов работы ученых во многом зависит приближение романа к широкому читателю.

Зав. Отделом новейшей литературы Пушкинского Дома, доктор филол. наук Н. А. Грознова (Санкт-Петербург) в докладе «Об изучении романа Леонова» говорила об особенностях осмысления романа «Пирамида» современной критикой и литературоведением. Если в первых отзывах на его публикацию отразилось крайнее непонимание творчества Л. Леонова, неприятие труда, который стал делом всей жизни писателя, то в последнее время произошел поворот в подходе к этому произведению. Стали появляться взвешенные и продуманные работы. Среди особенно значимых можно назвать исследования таких авторов, как О. А. Овчаренко, Л. П. Якимова, А. Варламов, Г. Муриков и др. Очень показателен и факт появления первых диссертаций о «Пирамиде» (А. Варламова, О. В. Богачевой). Важную роль в процессе осмысления романа играют семинары по изучению творчества Леонова — Волгоградский и Санкт-Петербургский (Пушкинский Дом). Подчеркнув ответственность литературоведов и критиков, занятых изучением «Пирамиды», Н. А. Грознова сказала: «Несмотря на то что мы находимся в начале пути, мы не имеем права на предварительное и поверхностное прочтение романа Леонова. Все большее внимание исследователей должны привлекать проблемы поэтики, особенностей стиля „Пирамиды“. Важно понять те принципы, на которых основано внутреннее единство